

Оглавление

Пролог	9
Глава 1. УРАГАН ЭМИ	17
Глава 2. МОЙ РЕБЕНОК	34
Глава 3. «ПАПА УШЕЛ – МОЖНО ЗАВЕСТИ ХОМЯЧКА?» ...	50
Глава 4. МЫ ВТРОЕМ	64
Глава 5. TAKE THE BOX	80
Глава 6. FRANK	96
Глава 7. ЛЮБИМИЦА ЗАГОЛОВКОВ	112
Глава 8. ОДЕВАЯСЬ ПО ПОСЛЕДНЕЙ МОДЕ	129
Глава 9. ЗА ПЧЕЛИНЫМ УЛЬЕМ	144
Глава 10. FLY ME TO THE MOON	159
Глава 11. ДВА ШАГА ВПЕРЕД, ОДИН НАЗАД	175
Глава 12. МОЖЕТ БЫТЬ	190
Глава 13. СОЛНЕЧНЫЙ ОСТРОВ	204
Глава 14. СНОВА ПЬЕТ	220
Глава 15. ВОЖАК СТАИ	236
Глава 16. ВРЕМЯ ПЛАКАТЬ	252
Эпилог. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЭМИ	267
Немного информации о Фонде Эми Уайнхаус (www.amywinehouse.com)	284
Как нас поддержать	285
Благодарности	286
Об авторе	287

Пролог

Иногда Эми застает меня врасплох. Она прямо передо мной, и я не могу совладать с эмоциями. Это чувство возникает внезапно. Нет никакой методички для скорби. Не существует никаких правил. Я не могу предугадать, что вызовет это чувство: ее лицо, промелькнувшее на большом экране на BRIT Awards; ее песня, звучащая в зале ожидания во время посадки на самолет в Нью-Йорк; набор японского чая, который она купила для меня в одной из лавок в Кэмдене и на который я наткнулась во время уборки в кухонных шкафах; упоминание ее имени. Неважно, видны эти переживания окружающим или же я сдерживаю их внутри, они всегда обездвигивают мое тело и парализуют мои чувства. Но я все равно по-странному их ценю. Они напоминают мне о том, что я все еще могу чувствовать, что я не утратила эту способность.

Боюсь, что настанет день, когда это изменится. Я боюсь дня, когда Эми перестанет быть живой в моих мыслях и моем сердце. Я не хочу, чтобы он когда-нибудь наступил. И думаю, что не наступит. Я любила ее. Я всегда буду любить ее и скучать по всему, что с ней связано. Эми, храни ее Господь, была больше, чем сама жизнь.

Я замечаю, что постоянно говорю «храни ее Господь» после произнесения ее имени. Так я признаю, что Эми была непростой девочкой. Эми была одним из тех редких людей, которые что-то изменили. С самого начала, с младенчества, она была очень громкой, взбалмошной, напуганной и чувствительной. Она была сгустком эмоций – временами очаровательной, а временами невыносимой. В том числе из-за трудностей, через которые ей пришлось

пройти, чтобы избавиться от зависимостей, укравших ее жизнь. Путь Эми не был прямым — он был извилистым, а ее жизнь — неоконченной. Абсолютно неестественный порядок вещей. Она оставила вопросы без ответов, и все годы после ее смерти я пытаюсь соединить разорванные нити ее невероятного существования.

Я «отдавала» Эми дважды: первый раз — алкоголю и наркотикам, второй — окончательно, 23 июля 2011 года, когда оборвалась ее короткая жизнь. Я не верю бесконечным спекуляциям о том, что Эми хотела умереть. Не было никаких сомнений, что

**ЛЮБОВЬ К ЭМИ
РАВНЯЛАСЬ
ПОСТОЯННЫМ
ОПАСЕНИЯМ, ЧТО
Я ВОТ-ВОТ ЕЕ ПОТЕРЯЮ,
НО НЕ ТЕРЯТЬ. ТЫ
СЛОВНО НЫРЯЛ ПОД
ВОДУ, ЗАДЕРЖИВАЯ
ДЫХАНИЕ, А ЗАТЕМ
ЖАДНО ГЛОТАЛ
ВОЗДУХ, ДРЕЙФУЯ
НА ПОВЕРХНОСТИ
И ГАДАЯ, ЧЕМ
ЖЕ ЗАКОНЧИТСЯ
СЛЕДУЮЩЕЕ
ПОГРУЖЕНИЕ.**

она сражалась сама с собой и с тем, во что превратилась. Но Эми мечтала обзавестись детьми, а интерес к людям и жизни был большей частью ее самой. Но она была девушкой, отрицающей авторитеты, человеком, который всегда углублялся в происходящее больше окружающих. Она говорила мне: «Мам, я ненавижу заурядность. Я не хочу быть посредственной». Эми была кем угодно, но только не посредственной. Она обладала невероятным талантом и выжала из него все. Она выжала все из своих жизни и тела. Она считала себя непобедимой, но была такой же смертной, как и все мы. Я вспоминаю, как она с озорной улыбкой на лице постоянно говорила мне: «Упс, мам, я правда не хотела, чтобы так вышло. Я переборщила в этот раз, да?»

Я не ожидала, что потеряю Эми, когда это случилось. С первой ночи, когда я держала ее на руках, она была неотъемлемой и огромной частью моей жизни. Но в худшие годы ее наркотической зависимости я думала, что каждая наша встреча будет последней. Эми стала рабом наркотиков, и частички той дочери, что я вырастила, постепенно исчезали. В прошлом она сделала бы что угодно, чтобы добраться до меня, где бы я ни была, но с ухудшением зависимостей на нее стало сложно рассчитывать. Она не могла организовать себя без армии людей, которые расчищали ей дорогу и убирали за ней. Она стала одновременно очень сентиментальной и слишком раздражительной.

Эми сидела напротив меня в своей короткой, высоко задранной юбке, оголяющей ее тощие, худые колени. Я видела, что происходит. Я видела, что ее маленькое тельце не справляется, но ничего не могла поделать. Будучи ее мамой, я была абсолютно бессильна. Я звонила и навещала ее, но не могла спасти. Я знала, что если попытаюсь, то тоже пропаду.

Какое-то время Эми старалась защитить меня от реальности, в которой она жила. Ей хотелось, чтобы я оставалась ее «мамочкой», далекой от окружающего хаоса.

Эми равнялась на меня с малых лет, особенно после моего развода с ее отцом Митчеллом, и наверняка не хотела меня разочаровывать. Но у матерей есть шестое чувство, и я сама обо всем догадывалась. По мере эскалации проблем ей становилось все сложнее скрывать правду.

Взлеты и падения тех лет повлияли не только на Эми, но и на все ее окружение. Любовь к Эми равнялась постоянным опасениям, что я вот-вот ее потеряю, но не терять. Ты словно нырял под воду, задерживая дыхание, а затем жадно глотал воздух, дрейфуя на поверхности и гадая, чем же закончится следующее погружение.

Вдобавок к 2006 году, когда зависимости Эми начали ее поглощать, у меня уже был диагностирован рассеянный склероз. Я страдала от симптомов этой болезни больше 30 лет — они начались почти сразу после рождения старшего брата Эми, Алекса. Именно поэтому сейчас я хожу с тростью. Непредсказуемость Эми означала постоянную жизнь как на иголках, а мое здоровье тоже было сильно подорвано. Я часто спрашивала себя: «Неужели все это и правда происходит с моей семьей?» Затем мое чувство самосохранения наконец сработало.

Я всегда была прагматичной, но прагматично относиться к зависимостям собственной дочери — невероятно сложная для матери задача. До того, как мой склероз вынудил меня уйти на пенсию, я долгое время работала фармацевтом, и мои медицинские знания помогали мне видеть в проблемах Эми болезнь. Но даже вооруженная ими, я едва могла держать себя в руках. Я посещала психолога, пытаюсь контролировать окружающую реальность.

Мне нужно было поговорить с кем-то, кто не был эмоционально вовлечен в драму наших жизней. Шаг за шагом я начала вносить ясность в собственную жизнь. Я начала уделять время себе. Иногда я чувствовала вину, но продолжала твердить, что в этом нет ничего неправильного. Начали расцветать отношения с моим мужем Ричардом, которого я знала с двенадцати лет. Я убеждена, что все это, в комплексе с моими внутренними изменениями, подало мне огромное количество осознанности и силы при жизни Эми и продолжает дарить после ее смерти.

Вплоть до лета 2011-го я верила, что мы избежали беды — мы все верили. Она была чиста от наркотиков почти три года — мы видели свет в конце тоннеля, несмотря на то что она по-прежнему была серьезным алкоголиком. В любом случае, наши ожидания были огромными, и я была преисполнена оптимизма насчет ее будущего. Вместо того чтобы думать о том, умрет ли Эми и когда это случится, я начала представлять времена, когда ей станет лучше. К сожалению, они так и не настали. Меня всегда будет мучить мысль о том, как все могло бы сложиться, хоть я и вынуждена смириться с реальностью.

Эми ворвалась в мою жизнь словно вихрь и изменила ее навсегда. Я проживала жизнь вместе с Эми, но иногда ее история казалась нереальной. Я — гордая мать, видевшая, как ее дочь добилась невероятных успехов и признания, которых отчаянно желала. Но вскоре та личная и крепкая связь между нами стала достоянием общности. Вся жизнь Эми и мы, ее семья, стали достоянием публики. Все, кого интересовала Эми, думали, что знали ее. Всем хотелось оторвать от нее кусок любыми способами. К этому мы были не готовы. Сама Эми оказалась меж двух огней: желанием спрятаться от света софитов и страстным желанием быть замеченной.

В этом смысле мы с Эми отличались. Всю ее жизнь, да и сейчас, нахождение в центре внимания тяготило меня. В отличие от Митчелла, мне сложно быть на публике. Мне всегда очень неловко стоять на красных дорожках, хотя мой муж Ричард говорит, что я выгляжу очень спокойной. Будь то получение наград от лица Эми или сбор денег для фонда (который мы с Митчеллом основали вскоре после ее смерти) — количество сцен, на ко-

торых я побывала, невероятно. Я делаю все это с мыслями об Эми. И если случается что-то невероятное — а такого с момента смерти Эми случилось много, — я думаю: «Дженис, это все часть истории». Иногда я думаю: это правда часть моей истории или я просто смотрю фильм, снятый по ее мотивам? Со мной и моей семьей случилось так много всего, что это невозможно осознать. Я замечаю, что просто откладываю некоторые события в долгий ящик в своей голове, надеясь разобраться с ними позже. Это позволяет мне двигаться дальше.

Идея рассказать историю Эми возникла еще в 2007-м. Тогда со мной связался литературный агент с вопросом, не хочу ли я написать книгу. Я с сомнением отнеслась к этой идее, однако после встречи с агентом я вышла с мыслью, что мне бы этого хотелось. Но лишь после полного выздоровления Эми. Я позвонила ей и спросила, что она думает насчет этого предложения. «Не делай этого, мам, — сказала она твердо. — Я не хочу, чтобы люди знали, кто я такая». Вот и все. Эми была рада тому, что ее прическа, подводка и безумное поведение стали единственной публичной стороной ее жизни. Но мы знали, что она была куда более сложным и разносторонним человеком.

Тогда я даже не думала идти против ее желаний. Сейчас жизнь изменилась. Я долго и тщательно обдумывала, давать ли согласие на написание нашей истории, но как только решение было принято, все сомнения постепенно ушли. Воспоминания о счастливых и темных временах помогли мне понять, как наша обыкновенная жизнь стала такой фантастической — с одной стороны и такой ужасной — с другой. Я также по-новому взглянула на жизнь Эми, достала из памяти трудящейся матери давно забытые фрагменты, похороненные под весом славы и зависимостей. Со временем воспоминания всегда блекнут, а склероз серьезно ускоряет этот процесс: острота памяти ухудшается вследствие дегенеративных процессов, так что я решила записать свои воспоминания, пока они не исчезли навсегда. За эти годы я слышала и читала так много лживой информации об Эми, что захотела лично поведать истину.

**Я СЛЫШАЛА И ЧИТАЛА
ТАК МНОГО ЛЖИВОЙ
ИНФОРМАЦИИ
ОБ ЭМИ, ЧТО
ЗАХОТЕЛА ЛИЧНО
ПОВЕДАТЬ ИСТИНУ.**

Сложить кусочки наших жизней в единый пазл мне помогли мои семья и друзья, а также личные записные книжки Эми. Перебирая фрагменты ее жизни, я поразились, как сильно она иногда походила на мою до ее рождения. Эми была внешне похожа на меня. Наши школьные оценки почти совпадали. Мы обе любили приключения и, каждая по своему, стремились выжать из всего максимум, не задумываясь о последствиях. Я тихо бунтовала против «домашней» пригородной жизни 1970–80-х. Эми добилась огромной славы, бунтуя против фальшивого мира поп-музыки. В конце концов, она бунтовала против всего, и даже самой себя.

Несмотря на очевидную тяжесть моего горя, я всегда радуюсь, вспоминая, чего Эми достигла – чего достигли мы. Я получила два образования, воспитывая Эми и Алекса, и я хотела показать своим детям, что добиться можно всего. Эми хваталась за возможности обеими руками и очень рано реализовала свой потенциал. Я надеюсь, что она одобрила бы эту книгу как достоверный источник информации о ее жизни. Хотя я могу представить, как она пожимает плечами и говорит: «Мам, да обо мне нечего рассказывать, реально».

Сегодня на мне подвеска Эми. Это золотая звезда Давида, которую ей подарили в раннем детстве. Я никогда ее не снимаю. Я также ношу ее кольцо. Бывают дни, когда я надеваю даже ее одежду – футболки – и чувствую себя ближе к ней. Как я уже сказала, для скорби нет правил. Бывают дни, когда я смиряюсь с потерей, но бывают и ночи, когда я просыпаюсь в слезах. Однако я стараюсь не заикливаться ни на негативных сторонах ее жизни, ни на том, как повлияла на нашу семью ее смерть. Я продолжаю жить и по привычке занимаю себя чем могу. Это единственный способ пережить еще один день.

Я славлю талант Эми, а также тот великолепный подарок, который она преподнесла миру. Он будет жить еще долго после того, как уйдем я и вся моя семья. Фонд Эми Уайнхаус тоже начал приносить изменения в жизни подростков, которые по разным причинам оказались на неверном и сложном пути. Тот факт, что все деньги, вырученные с продажи этой книги, пойдут в фонд, значит для меня многое. Мы хотим помочь многим детям и знаем, что Эми с нами в каждом нашем решении.

Она была певицей,
суперзвездой,
зависимой и молодой
девушкой, которая
неслась навстречу
преждевременной
смерти. Для меня же она
просто Эми. Она была
моей дочерью и моей
подругой и навсегда
останется со мной.